

УДК 316.83.02.

Комовська О.В.

КОМПОЗИЦІЙНІ ПРИНЦИПИ ОРГАНІЗАЦІЇ СОЦІОЛОГІЧНОЇ ТРИЛОГІЇ О.О. ЗИНОВ'ЄВА

У статті аналізуються концепції В.І. Тюпа, В.С. Степіна і самого О.О. Зинов'єва. Ґрунтуючись на провідних літературознавчих роботах, автор статті закономірно доводить, що композиція творів О.О. Зинов'єва «Зяючі висоти», «Гомо советікус», «Глобальний людяшнік» – складна спіралевидна тезаурусного типу форма.

Ключові слова: композиція, тезаурусна композиція, спіралевидна композиція, твори.

В статті аналізуються концепції В.И. Тюпа, В.С. Степина и самого А.А. Зиновьева. Автор статьи, основываясь на ведущих литературоведческих работах, закономерно доказывает, что композиция произведений А.А. Зиновьева «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Глобальный человежник» - сложная спиралевидная тезаурусного типа форма.

Ключевые слова: композиция, тезаурусная композиция, спиралевидная композиция, произведения.

In article concepts of V.I. Tyup, V.S. Stepin's and concept of A.A. Zinovyev are analyzed. The author of article based on leading literary works naturally proves that composition of works A.A. Zinovyeva «Gaping heights», «Gomosoveticus», «Global cheloveynik – difficult helicoid tezaurusny type.

Key words: composition, tezaurusny composition, helicoid composition, work of art.

Исследуя композицию романов А.А. Зиновьева Степин В.С. отмечает, что композиция его произведений состоит из множества уровней, причём каждый новый уровень «расширяет композицию элементов и изменяет её пространственно-временную структуру»[1]. Однако, как отмечает исследователь, в подобном разноуровневом сцеплении эпизодов именно социальные и философские идеи образуют «... целостную картину человеческого жизненного мира».

Люциан Суханек по поводу композиции произведений А.А. Зиновьева писал: «... книги А.А. Зиновьева аморфны ... композиция сложна и запутана. Она не построена на прямой последовательности событий. Автор широко использовал прием

сериала, при этом разделял определенную сюжетную, тематическую линию на многочисленные фрагменты, отделенные один от другого, благодаря чему возникает эффект лабиринта» [2], или спирали. Писатель прибегает к «... синхронному описанию» явлений различного порядка, а они, по мнению Л. Суханека, «... не могут быть поняты без учета временного фактора – развития и эволюции, которым они подвергались» [3].

При исследовании композиции социологической трилогии А.А. Зиновьева мы будем исходить из положения, что анализ композиции любого художественного текста – «это изучение её на двух уровнях» [4] архитектоники и сюжетной тематики.

Архитектоника социологических романов А.А. Зиновьева представлена как движение от абстрактного обоснования социологической идеи в теоретических работах героев произведений к проявлению её в художественном мире, созданном писателем. Следовательно, разрозненные главы объединены приключением идеи. Социологическая идея обычно сформулирована в романах А.А. Зиновьева теорией, учением героев и представлена в их трактатах, дневниках. Так, в романе «Зияющие высоты» – это социомеханика Шизофреника, рукопись Крикуна, книга Клеветника, в романе «Гомо советикус» – это роман-трактат-донос-отчёт Я, в романе «Глобальный человек» – это дневник Ала, описывающий способы и рычаги давления на западоида.

Практическое воплощение идеи, описанные Шизофреником, Клеветником, Крикуном, Болтуном, получают в социуме Ибанска (в хронотопе у Ларька, в очереди, на «губе», в Сортире, на мусорной свалке), идеи Я иллюстрируют собой пансионеры, а МЦ в романе «Глобальный человек» – это практическое отражение теоретических положений о социуме ГО из дневника Ала.

Используя в архитектонике излюбленный метод от абстрактного к конкретному, А.А. Зиновьев сумел «собрать частности в общее» [5], причем придать этому «общему» типическую обобщенность. Прибегнуть к подобному рода архитектонике автора социологических романов, по мнению вдовы писателя – Ольги Мироновны, заставила историческая действительность: «От начала до последней строчки не было уверенности, что удастся написать большую книгу: ведь процесс создания мог быть прерван в любую минуту и, кстати, не по нашей воле. Каждый фрагмент писался так, что, случись нечто непредвиденное, он смог бы стать последним...» [6].

При обилии идей все же социологические романы А.А. Зиновьева в целом сводимы к двум основополагающим для его авторского миропонимания концепциям: социальной регенерации и

социальной деградации. Под социальной регенерацией А.А. Зиновьев понимал восстановление ранее разрушенной системы в новых социальных образованиях («... социальная система разрушается, но сохраняется человеческий материал и геополитические условия ... то новая система оказывается, по многим важным признакам, близкой к разрушенным ранее») [7]. Эта идея и организует архитектуру романа «Глобальный человек». Так, например, с точки зрения геополитической организации ГО – это «... три гигантских союза...»[8], а с точки зрения человеческого материала – это общество «человеков», или «муравьев». Главы романа названы по их именам, сокращенным до нескольких букв, причем, если некоторые на европейский манер (Нор, Фил), то другие – на восточный (Ро, Та). Указанные герои в художественном пространстве исследуют историю, культуру разрушенных государств, выявляют и обобщенно формулируют свойственные данным системам принципы социального существования.

Концепция социальной деградации у А.А. Зиновьева многоаспектна. Во-первых, под ней он понимает процесс, когда «... социальная организация воспроизводит черты ранее знакомой ей социальной организации, но на более низком уровне»[9]. Эта идея пронизывает роман «Гомо советикус», поэтому не случайно Я постоянно кажется, что он никуда не выезжал из СССР, а главы, описывающие чудовищную мимикрию пансионеров, выявляют деградацию прежних принципов и законов, усвоенных советскими эмигрантами. Кроме того, под социальной деградацией А.А. Зиновьев понимает извращение изначально верных принципов и положительных программ, что и раскрывает роман «Зияющие высоты».

Для общего построения романов А.А. Зиновьева характерно обилие глав, так, например, «Зияющие высоты» состоят из пяти частей, каждую из которых составляет от семидесяти четырех до двухсот трех глав; роман «Гомо советикус» включает в себя – двести шестнадцать глав, «Глобальный человек» представлен – двухсот восемнадцатью главами.

Следовательно, по архитектонике каждый из романов в целом представляет собой перемежающиеся короткие главы – рассказы с обилием подзаголовков, которые могут выполнять как уже стандартные функции в литературном произведении, так и специфические, свойственные исключительно романам А.А. Зиновьева. Композиционное значение подобных повторяющихся подзаголовков-близнецов у исследуемого писателя различно: одни – обозначают социальные проблемы, другие – указывают на

автобиографического героя или героя с личной программой. Примеры первых подзаголовков, «Жизненные уроки», «Человек и компьютер», «Проблемы адекватности личности», «Официальное и социальное», «Социальные законы», «Мы и Запад», «О стоянии на коленях». Так, например, один из повторяющихся подзаголовков гиперболизирует положение эмигрантов, выдающих себя за спец. агентов СССР, с единственной целью - лучше устроиться на Западе, - это глава «Мы и Запад» в романе «Гомо советикус».

Каждый текст, по мнению В.И. Тюпы, представляет собой «нарративную форму высказывания, суть которой состоит в её двоякой событийности: референтной и коммуникативной» [10]. Трилогия А.А. Зиновьева строится как отдельные замечания, рассказы Клеветника, Шизофреника, Я, Ала, Ла, Болтуна, Крикуна, при этом герои не связаны определенной позицией во времени и пространстве. Они постоянно перемещаются. Персонажей А.А. Зиновьева мы можем встретить то в далеком будущем, стоящими за ширли-мырли, то в реальном настоящем, распивающими пиво у Ларька или следящими за строительством загадочного Сооружения, то на мусорной свалке прошлого. Суждения, высказывания героев уравниваются референтной событийностью, что позволяет рассматривать социологическую трилогию А.А. Зиновьева как повествование хроникерского типа.

Специфика коммуникативной событийности в социологических романах А.А. Зиновьева, на наш взгляд, проявляется в фокализации точки зрения героя, в результате в архитектонике текстов преобладает не столько деталь, сколько «денотаты», или «допредикативные очевидности» [10] сильного обобщающего значения. Так, например, для Шизофреника свойственно утверждение: «имитация дела важнее самого дела», так как это выражение является определяющим для ментального «внутреннего» ощущения состояния мира героем.

Художественное пространство социологической трилогии заполнено семантическими «квантами», представляющими фокализацию отдельных мнений и суждений героев, которые часто опровергают устоявшиеся принципы социальной организации.

Так, например, герой Я в результате личного анализа и самоанализа выводит следующие семантические «кванты»: «пить или не пить», «бить или не бить», «иметь или не иметь». Это авторская аллюзия на известное шекспировское противостояние «быть или не быть», выражающее вечный гамлетовский поиск и нерешенный вопрос. Перед таким же «вечным выбором» «пить или не пить», «иметь или не иметь», «бить или не бить» находятся гомосос. Кроме того, зиновьевское противостояние «бить или не бить» возникло как

фонетическая калька из английского «tobeornottobe» (Гамлет У. Шекспир), в результате чего возникает известный зиновьевский парадокс, а семантическое наслоение смыслов придает тексту комический эффект.

Семантический квант «иметь или не иметь» отсылает нас к известной книге Э. Фромма «Иметь или быть», в которой психоаналитик и социолог соотносит понятие иметь с эгоизмом, а быть – с альтруизмом. Исследователь полагает, что причины кризисных явлений кроются в специфике капиталистических отношений, по Э. Фромму, данное общество руководствуется не интересами индивида, а собственными потребностями, поэтому себялюбивый, эгоистичный, алчный человек – это норма для современного мира, а вовсе не исключение. Зиновьевская аллюзия на книгу Э. Фромма не случайна, многие теоретические положения книги «Иметь или быть» в романах «Гомо советикус», «Зияющие высоты», «Глобальный человек» находят художественное обобщение.

В романе «Глобальный человек» в дневнике оппозицию между «быть или слыть» Зиновьев раскрывает, опровергающую закрепленную официальную версию указанных «денотатов» и отсылающую нас к шекспировскому сонету 121 «уж лучше быть дурным, чем только слыть». В романе «Глобальный человек» в паре «быть или слыть» в противовес шекспировскому варианту, доминировать начинает понятие «слыть», в результате в обществе будущего зиновьевского варианта глупцы выглядят как мудрецы, преступника причислены к лику святых, заурядные люди канонизируются, а мощная идеологическая система создала мир «кажимостей», которые подменили «мир сущностей».

Специфика же референтной событийности социологической трилогии заключается в глубоком обобщающем характере описываемых явлений. Так, например, главы «Очередь», «Справка», «Хронология», «Сооружение», «Гримасы прогресса» перечисляют явления и события, которые могли иметь место в любом государстве, в любой промежуток времени с каждым из нас.

По мнению П.В. Палиевского, «цель композиции – расположить все куски так, чтобы они замыкались в полное выражение идеи» [11]. Этот принцип находит яркое воплощение в трилогии А.А. Зиновьева, объединяющим началом в которой, при обилии героев, сюжетных линий, временных пластов, выступает движение идеи во времени. Картины татаро-монгольского нашествия перемежаются с картинами из 2832 годом и современной автору действительности и посвящены идее «социальной регенерации», а главы, описывающие правление

Хряка (или Хрущева), чередуются с главами, характеризующими режим Хозяина (или Сталина).

Характеризуя композицию произведений А.А. Зиновьева, необходимо учитывать соотношение изначально положительной программы, учения, позиции и их последующего искажения. Так, например, в романе «Гомо советикус» - это взгляды «Я» и их переосмысление образом гомососа. В «Глобальном человекнике» - это программа Ала и её переоценка под влиянием «испытательного срока». В «Зияющих высотах» - это положительные программы Крикуна, Шизофреника, Клеветника и их «извращение» в условиях ибанской действительности.

Тексты А.А. Зиновьева художественно организуются как оппозиция верха и низа, идеального и искаженного. Так, например, в романе «Гомо советикус» все художественное пространство разделено на эмигрантов и «Я», на Пансион (или реальный быт) и Сооружение (Некий символ возможного нового Храма религии). В романе «Зияющие высоты» Сортир противопоставлен Губе, Академия – Свалке, Шизофреник, Крикун, Болтун – Сотруднику, Претенденту, Социологу. В «Глобальном человекнике» наты соотнесены с исками и противопоставлены подземным жителям, само здание МЦ представлено как двухуровневое: верхний уровень над землей, а нижний под ней.

Хронотоп у А.А. Зиновьева двух планов: с одной стороны, он историчен: так как легко угадываются реальные исторические лица, события, связанные с ними, с другой стороны вертикален, ибо в сюжетах романов, входящих в трилогию, сталкиваются три одновременно сосуществующих времени: настоящее, прошлое, будущее. При обилии всеобъемлющих описаний действительности А.А. Зиновьев в архитектонике романов отказывается от последовательного обзора или движущейся позиции наблюдателя, как это было в композиционной структуре этологических романов, так как подобная структурная организация не способна передать авторскую модель миропонимания. В каждом из романов социологической трилогии А.А. Зиновьев создает особый пространственно-временной континуум, где происходят основные события. Такой общей «смотровой площадкой» становится в романе «Гомо советикус» комната «Я», именно в данном помещении мы подслушиваем разговоры пансионеров, встречаемся с ними, разговариваем с Вдохновителем, следим за «стройкой» загадочного Сооружения. В «Зияющих высотах» подобную функцию выполняет Ларек, где происходят идейные ссоры, очереди, монологи, повествующие о личной жизни, зарождаются идеи основных трактатов и личных

программ. В «Глобальном человечнике» все действие развивается в топосе общественной организации МЦ.

Структурная организация социологической трилогии А.А. Зиновьева, на наш взгляд, – это сложная спиралевидная композиция тезаурусного типа. Сложная, так как в ней обилие идей, организующих художественное пространство, тезаурусная, потому что акцент сделан на идеях исключительно значимых для авторского миропонимания (социологических). Спиралевидность достигается за счёт того, что идеи в социологической трилогии не статичны, они постоянно развиваются, приобретая новые грани во времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Булыгин А.К. «Котлован» Андрея Платонова. Проблематики и поэтика (жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический аспект). Дисс. на соиск. канд. фил. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – С.25.
2. Сапгир К. В фокусе вогнутого зеркала. В кн.: Феномен Зиновьева. /Под ред. А.А. Гусейнова, О.М. Зиновьева, К.М. Кантора. – М. : «Современные тетради», 2007.- 400с. С.161.
3. Зиновьева О.М. Александр Зиновьев: творческий экстаз. В кн.: Феномен Зиновьева. /Под ред. А.А. Гусейнова, О.М. Зиновьева, К.М. Кантора. – М. : «Современные тетради», 2007.– 400 с.
4. Зиновьев А.А. Глобальный человежник. – М. : «Алгоритм», 2010 .– 318с.
5. Бухтеев Н.И. Новый этап развития постсоветской России. [Электронный ресурс] / Н.И. Бухтеев. – Режим доступа: <http://zinoviev.org/chteniya/elzhur/nikolaj-buxteev> (дата обращения от 14.11.12).
6. Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – М. : Лабиринт, РГГУ, 2001. –192с.
7. Палиевский П.В. Из выводов XX века/ П.В. Палиевский. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 546с.